

Трудом и муками дотянув до пяти тридцати, Цзин Хао едва не подпрыгнул на кровати и пулей помчался в ванную. Умывшись, он поднял взгляд на зеркало. В обычное время он едва ли уделил бы себе пару секунд, но сегодня, сам того не осознавая, принялся придирчиво разглядывать свое отражение. Челка, намокшая от воды, прилипла ко лбу, по высокому переносице медленно скатывались капли. Да, хорош, нечего сказать. Неудивительно, что Цзян Линь запал на него — вкус у парня что надо.

Цзин Хао даже не заметил, как уголки его губ поползли вверх. Перед выходом он не преминул воспользоваться духами, которые привез отец — по его словам, этот аромат был способен свести с ума любую.

Цзян Линь тоже промучился всю ночь.

Цзин Хао собирался заехать за ним, причем не оставил ни единого шанса на отказ, отчего на душе у Цзян Линя было крайне беспокойно.

Раньше о таком он не смел даже мечтать, но сейчас, когда он с таким трудом решился провести черту, Цзин Хао так легко сам идет навстречу. Возможно, для Цзин Хао это просто скука, прихоть, способ убить время. Но для него самого — нет. Не то чтобы он был склонен к излишним фантазиям, просто это заставляло его, человека, чьи чувства к Цзин Хао никогда не были чистыми, думать о лишнем. В конечном счете, мучиться и терзаться придется ему одному.

Когда он, опустив голову, дошел до конца переулочка, Цзин Хао уже ждал его там.

— Давно ждешь? — Цзян Линь слегка удивился, но тут же взял себя в руки и трусцой подбежал к Цзин Хао.

— Минут пять, не больше, — Цзин Хао невозмутимо поправил куртку, плотнее запахивая ее на груди, которая полчаса обдувалась ветром и нуждалась в тепле.

— Живо садись, — Цзин Хао немного подвинулся, освобождая место, — и обними меня крепче.

Цзян Линь послушно отозвался и ухватился за край одежды Цзин Хао.

Цзин Хао: «...»

— Я же сказал, обними меня крепче, — низким голосом повторил Цзин Хао. — За талию, понимаешь?

Цзян Линь поспешно отказался:

— Мне и так удобно.

— Мне — нет! — Цзин Хао был крайне недоволен тем, как Цзян Линь шарахается от него, словно от ядовитой змеи. — Если порвешь мою одежду, сам зашивать будешь?

Сказал он это, а сам подумал: если бы это было правдой, то, в сущности, не так уж и плохо.

Цзян Линь: «...»

Через полминуты на талии Цзин Хао сомкнулись две дрожащие руки. Они едва касались ткани, осторожно, словно Цзян Линь боялся разбить его вдребезги.

Цзин Хао не выдержал, схватил его за руки и, не церемонясь, притянул к себе, заставляя обхватить себя за пояс.

— Знаешь, что значит крепко? Или хочешь, чтобы я научил тебя еще раз?

Из-за резкого движения Цзян Линь всем телом прижался к его спине, а его руки оказались под надежным захватом. Низкий голос Цзин Хао, прозвучавший прямо над ухом, заставил его покраснеть от стыда. Пальцы Цзян Линя судорожно переплелись. Со стороны они выглядели как влюбленная парочка.

От Цзин Хао исходил тонкий аромат жасмина — свежий, чистый, приятный.

В мире многого можно добиться упорным трудом, но чувства — это единственное, что не поддается никаким усилиям. Столько лет он следовал по пятам за Цзин Хао, надеясь, что в его глазах можно будет задержаться хоть на пару секунд. Он старался, делал для него все, что мог, безмолвно отдавал себя, но Цзин Хао так и не замечал его. Даже то признание, похожее на сон, через несколько дней кануло в лету. Он запер себя в четырех стенах своих чувств, довел себя до исступления, а в конце — тихий финал.

Руки у Цзян Линя были очень холодными, Цзин Хао чувствовал это даже сквозь слой одежды. Теперь, согретые теплом его живота, они стали гораздо теплее, и Цзин Хао вдруг ощутил странный прилив гордости.

Цзян Линь все еще витал в облаках, когда вдруг услышал, как Цзин Хао зовет его:

— Эй, Цзян Линь...

— У тебя такие темные круги под глазами, не выспался?

— Пока еще рано, прислонись ко мне... поспи немного.

Даже если голос был тихим, а тон не самым дружелюбным, Цзян Линь уловил в нем нотки неловкой заботы. Сказать, что он не обрадовался, было бы ложью, но наряду с волнением его охватил шок.

Почему Цзин Хао вдруг так забеспокоился? Еще недавно он вел себя так, словно хотел, чтобы Цзян Линь провалился сквозь землю. Такая перемена застала его врасплох.

Не дождавшись ответа, Цзин Хао потерял терпение:

— Я с тобой разговариваю.

Цзян Линь вздрогнул:

— О, спасибо, я не хочу спать.

Цзин Хао: «...»

Он был настолько пристыжен, что готов был провалиться сквозь землю. Ему и так стоило огромных усилий произнести те слова, а его так легко отвергли. Не хочешь — как хочешь, не больно-то и хотелось, моя спина не только для тебя!

После мимолетного гнева наступило бесконечное раздумье. Странно, ведь он так долго добивался его, а теперь, когда сам Цзин Хао пошел навстречу, Цзян Линь не хочет брать ни крошки? Неужели он действительно разлюбил?

Когда они приехали в школу, было всего шесть тридцать пять. В кампусе было пусто. Только они подошли к учебному корпусу, как услышали неприятный голос:

— Цзян Линь!

Гу Цзяцзя широко улыбался, махая им рукой.

— Ты пришел так рано!

Он привычно вклинился между ними и обратился к Цзян Линю:

— Я только что закончил репетировать на гитаре, иду в класс.

— В школе тренировался?

— Ага, — кивнул Гу Цзяцзя. — Музыкальный класс открыт, я после фортепиано немного на гитаре поиграл, как раз место было.

— Слушай, свободен в обед? Я выучил пару новых мелодий, сыграю тебе! — Гу Цзяцзя откинул чехол от гитары за спину и искусственно оттеснил Цзин Хао на пару шагов.

— Я...

— Он занят! — Цзин Хао перебил его, не дав Цзян Линю договорить. — Тебе разве не надо на работу?

— Вообще-то...

— Слышал? — Цзин Хао прищурился, глядя на Гу Цзяцзя. — Он. Занят.

Гу Цзяцзя с презрением взглянул на Цзин Хао и повернулся к Цзян Линю:

— Сяо Цзян, я помню, ты говорил, что сегодня в обед не работаешь?

Оба варианта были неловкими, и Цзян Линь, не зная, что делать, пробормотал:

— Да...

Лицо Цзин Хао в одно мгновение стало мрачнее тучи. Он физически ощутил, как на лице Гу Цзяцзя читается: ну что, облажался со своим пафосом? Его охватила досада.

Позор.

Никаких других мыслей не было.

Цзин Хао дорожил своей репутацией, но раз уж сейчас он окончательно упал в грязь лицом, то и терять было нечего.

Он сделал вид, будто внезапно вспомнил:

— Вот я растяпа! Цзян Линь, мы же собирались в кино, помнишь? Давай сегодня.

Прежде чем Цзян Линь успел удивиться, Цзин Хао перешагнул через него, обнял за плечи и прошептал на ухо:

— Месяц еще не прошел, слушайся.

Затем, обнимая Цзян Линя за плечи и подталкивая вперед, он с видом победителя бросил взгляд на Гу Цзяцзя:

— Скоро самостоятельная работа, так что мы пойдем, а ты делай что хочешь!

Только войдя в коридор, он запоздало отпустил плечо Цзян Линя.

Плечи у парня были узкими, косточки даже немного впивались в ладони, одно движение — и можно было заключить его в полные объятия.

Цзян Линь смотрел на него ясными глазами.

Цзин Хао занервничал и первым делом поспешил откеститься:

— Не подумай чего, я не хотел тебя облапать, просто в спешке...

— Цзин Хао, — прервал его Цзян Линь.

— ...Да?

— Ты же знаешь, что я люблю тебя? — Цзян Линь смотрел ему прямо в глаза, голос звучал ровно и спокойно, будто он говорил о ком-то другом.

Цзин Хао занервничал еще сильнее и в панике ляпнул первое, что пришло в голову:

— А я не люблю...

— Я знаю.

Цзян Линь, кажется, тихо вздохнул:

— Я знаю, что ты меня не любишь.

Цзин Хао, глядя на его печальное лицо, почувствовал, как что-то больно кольнуло в сердце.

— Поэтому, Цзин Хао, пожалуйста, не делай больше того, что заставляет меня ошибаться.

Угощать чаем, подвозить в школу, проявлять эту враждебность к Гу Цзяцзя — Цзин Хао раз за разом дразнил его, но при этом никогда не давал надежды. Он словно запер его в стеклянную банку: вокруг столько света, а обнять его невозможно, только разбиться в кровь.

— Я тебя прошу.

Все три урока Цзин Хао только и думал о том, что это была почти мольба, а в остальное время тайком радовался словам «я тебя люблю». Цзян Линь все еще любит его — значит ли это, что в его глазах по-прежнему будет столько радости? Что он будет биться сердцем от случайного жеста? Что он... останется прежним?

Действительно ли я не люблю Цзян Линя?

Цзин Хао спрашивал себя, не зная, что такое любовь, но он знал, что такое неприязнь. А сейчас, глядя на Цзян Линя, он не чувствовал ни капли отвращения.

Последний урок утром был физкультурой, они разбились на группы по три-четыре человека играть в волейбол.

Цзин Хао обычно был в команде с Ян Сюем и Чэн Бовэнем. А Цзян Линь...

Кажется, кроме его влюбленных взглядов и бутылки воды, которую он постоянно оставлял рядом, Цзин Хао никогда не замечал, с кем он тренируется.

Он хотел пригласить Цзян Линя к себе, но, вспомнив утреннюю неловкость, замялся.

Вдруг рядом раздался звонкий женский голос:

— Все уже разбились? Тогда, Цзян Линь, будешь со мной.

Это была Ван Цытин, его соседка по парте.

— Хорошо, — не отказался Цзян Линь. Ему было все равно, с кем играть.

— Пойдем туда, — сказал он, — там прохладнее.

И, что самое важное, подальше от него.

Цзин Хао смотрел, как Ван Цзытин вприпрыжку следует за Цзян Линем, на ее лице сияла нескрываемая радость, она даже украдкой показала знак V другой девушке. В душе Цзин Хао вдруг стало противно.

Как он раньше не замечал, что Цзян Линь такой притягательный?

— Бах!

— Хао-гэ, ты в порядке? Я не нарочно! — в четвертый раз попав мячом по Цзин Хао, Ян Сюй извинился и добавил: — Ты чего сегодня? Какой-то рассеянный.

— Все нормально, — Цзин Хао потер руку, не сводя глаз с Цзян Линя. С самого начала урока тот ни разу не посмотрел в его сторону...

Полуденное солнце палило нещадно, поэтому физрук отпустил их на пять минут раньше. Толпа рассеялась: кто-то пошел в тень, кто-то пить воду. Чэн Бовэнь подошел спросить, что ему купить — как обычно, пятиюаневую минералку?

Цзин Хао слегка замялся:

— ...Сам решай.

Он, казалось, с недоверием посмотрел на место рядом с собой — там не было никакой синей бутылочки.

А вдалеке Цзян Линь протянул воду Ван Цзытин, и они оба весело смеялись. Эта вода должна была достаться ему.

— Хао-гэ, держи! — Чэн Бовэнь быстро вернулся, вложил воду ему в руку и сел отдыхать.

Ян Сюй тоже подтянулся:

— Хао-гэ, чего это Цзян Линь тебе сегодня воду не принес? Я уже заждался бесплатной воды!

Раньше Цзян Линь на каждом уроке физкультуры приносил ему самую дешевую воду. Цзин Хао считал ее дрянью и никогда не пил — либо отдавал всеядному Ян Сюю, либо выбрасывал в мусорку. Он знал, что Цзян Линь видит это, но никогда ничего не говорил. Раз он сам хотел ее дарить, то что с ней делать — личное дело Цзин Хао. В любом случае, Цзян Линь не злился.

Но теперь...

Цзин Хао вдруг очень захотелось узнать, какова она на вкус.

Цзян Линь начал его избегать.

Хотя он и исполнял их месячный договор, но почти не разговаривал с ним, а если и приходилось находиться рядом, старался стать максимально незаметным.

После уроков он и вовсе срывался с места, хватая рюкзак, или проводил время с этим Гу Цзяцзя. Глядя, как тот скачет вокруг Цзян Линя, словно мартышка, Цзин Хао выходил из себя — хотелось схватить его и запереть в клетку.

Успеваемость Цзин Хао и так была не ахти, а из-за рассеянности в последние дни он скатился еще ниже, вылетев из сотни лучших. Зато Цзян Линь занял первое место во всей школе, обогнав второго призера на двадцать с лишним баллов, за что был удостоен похвалы от учителя Гуана.

Цзян Линь и раньше учился неплохо, но всегда держался в середнячках. А тут такой скачок, да еще и сто баллов по физике — это было впечатляюще.

Когда ученик из обычного класса показывает такие результаты, это неизбежно вызывает волну сомнений.

Откуда у него такие баллы? Не списал ли он? Наверное, просто повезло, в следующий раз точно провалится. Подобные комментарии множились на школьном форуме, создавая длинные ветки, которые горели красным несколько дней.

Цзин Хао читал эти недоброжелательные отзывы, и настроение его становилось все тяжелее.

Он видел, как много работал Цзян Линь.

На переменах он почти не покидал свое место, если не нужно было в туалет или за водой. Иногда, пытаясь решить сложную задачу, он даже пропускал обед. В его карманах всегда были бумажки с записями знаний, он проживал каждую минуту за две.

Пролистывая ленту, он наткнулся на особенно мерзкий комментарий и не сдержался, ответив на него. Цзин Хао все-таки был школьным хулиганом, ругаться он умел мастерски — он так приложил того человека, что тот, должно быть, усомнился в смысле своей жизни и удалил аккаунт.

В то время как другие классы завидовали, насмехались или сомневались, пятый класс проявил небывалое единство. Они встали стеной на защиту Цзян Линя. Ван Цытин даже создала несколько фейковых аккаунтов и с боевым настроем стала предводителем «Лиги защиты Линя».

С тех пор к Цзян Линю стали чаще подходить с вопросами по учебе. Его постоянно окружали люди, даже на переменах, из-за чего Цзин Хао почти не мог к нему подобраться.

— Старик Чэн, ты думаешь, Цзян Линь правда такой гений? Почему все, кто к нему обращается, уходят с таким прозрением на лице? — после урока Ян Сюй, глядя на Цзян Линя в кольце одноклассников, задал вопрос, терзавший его душу.

Чэн Бовэнь хмыкнул:

— Сам подойди и спроси, узнаешь. Я вот пару раз спрашивал — очень толково объясняет.

— Не могу, сгораю от любопытства! — Ян Сюй вытащил тетрадь. — Пойду спрошу!

Цзин Хао молча наблюдал за этим со стороны.

— Цзян Линь, — Ян Сюй нарочно положил перед ним самую сложную задачу по электричеству, — объясни, а?

Цзян Линь взял тетрадь и кончиком ручки коснулся бумаги:

— Эту?

— Ага. — Ян Сюй пристально следил за ним, боясь упустить хоть слово.

Цзян Линь взглянул на задачу, и решение сразу пришло в голову. Сейчас была перемена, Ван Цзытин отсутствовала, и он жестом пригласил Ян Сюя сесть рядом, подвинувшись сам:

— Учитель же объяснял это, движение заряженных частиц в электрическом поле...

Он вытащил черновик, нарисовал схему поля и, объясняя, начал чертить траекторию, шаг за шагом выводя формулы:

— Так что ответ — $T/2 \sim 3T/4$. Понял?

Ян Сюй поклялся бы, что, хотя поначалу его намерения были не самыми чистыми, с того момента, как Цзян Линь начал объяснять, он был поражен. Логика ясная, мысли структурированы. Даже если бы он не понял и просто списал, шаги Цзян Линя были идентичны правильному ответу!

Видя, что тот застыл, Цзян Линь подумал, что он не понял, и легонько тронул его за плечо:

— Ничего, время еще есть, давай объясню еще раз, спрашивай, где неясно.

Возвращаясь на свое место с тетрадью, Ян Сюй впервые подумал, что Цзян Линь — настоящий кумир. Мало того, что голос приятный, так еще и терпеливый, а в конце, когда он сам смог повторить решение, еще и искренне похвалил его. С тех пор как он пошел в старшую школу, его никто так не хвалил за учебу. Да какой же Цзян Линь ангел!

Цзин Хао следил за ними, и как только Ян Сюй вернулся, он тут же захотел подойти, но не хотел показывать излишнего рвения. Он небрежно облокотился на парту и спросил:

— Понял?

— Понял, понял! — Ян Сюй был в восторге. — Цзян-гэ такой крутой, и такой нежный, я решил: теперь он мой кумир! Все враждебные силы, настроенные против него, будут сокрушены железным кулаком народа! Пойду на форум разнесу тех придурков, они думают, в пятом классе никого не осталось?

Чэн Бовэнь не поверил своим ушам:

— Кумир? Не слишком ли? Из-за одной задачи сразу гэ называть? Совсем достоинство потерял!

Ян Сюй, обнимая тетрадь, пребывал в экстазе:

— Ты не понимаешь, какой он нежный, когда объясняет. О боже, этот голос — мягкий, чистый, он такой терпеливый, никакой заносчивости отличника. Когда я ответил правильно, он еще и подбодрил меня... Я думал, он пошлет меня, ведь я столько раз его подкалывал, а он ни слова не сказал. И вблизи он такой утонченный, с такими чертами лица можно сразу в артисты идти. Правда, с этого момента я его фанат!

— Эй, ты...

— Бах!

Раздался грохот, заставивший обоих вздрогнуть. Цзин Хао с силой швырнул книгу на парту. Давление вокруг него можно было потрогать руками. Он процедил сквозь зубы:

— Напомнить тебе, кто ему нравится?

Ян Сюй: «...»

Чэн Бовэнь: «...»

Ян Сюй всегда был бесстрашным и прямолинейным:

— Ну, ты, и что? Я же не сказал, что он мне нравится, чего ты так бесишься?

Цзин Хао: «...»

— И в конце концов, разве ты не говорил, что он тебе не нравится?

— Тогда какая тебе разница, кто сегодня им восхищается?

Эти вопросы поставили Цзин Хао в тупик. Действительно, у него нет права вмешиваться, но от того, как Цзян Линь вел себя с Ян Сюем, на душе было беспокойно.

Слишком долго я тебя не трогал, пора навести порядок.

Значит, избегаешь меня?

Посмотрим, как далеко ты сможешь убежать.

С того дня отношение Ян Сюя к Цзян Линю развернулось на сто восемьдесят градусов. Он то и дело подходил с вопросами по физике, оправдываясь тем, что открыл для себя радость науки. На уроках стал активно отвечать и почти перестал проводить время с Чэн Бовэнем и Цзин Хао. Однажды Цзин Хао даже увидел, как Ян Сюй по собственной инициативе помогает Цзян Линю нести книги.

<http://bllate.org/book/20916/2115503>